

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.11>

Лебедев Антон Валерьевич, Абрашкина Кристина Сергеевна

СПЕЦИФИКА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТОВ И ПРОБЛЕМА ИХ ПЕРЕВОДИМОСТИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Статья раскрывает специфику перевода правовых текстов с английского языка на русский. Цель работы - выявление основных черт, характерных для англоязычной правовой лексики, а также предложение путей решения проблем, встречающихся при переводе правовых текстов. Авторами исследована типологизация источников юридической лексики на английском языке, дана классификация ее характеристик. Результаты исследования показали, что разница между русскоязычными и англоязычными правовыми лексемами обусловлена как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами; при этом на первый план выходят вопросы адекватности и эквивалентности перевода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/3/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 53-57. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.111-26

Дата поступления рукописи: 23.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.11>

Статья раскрывает специфику перевода правовых текстов с английского языка на русский. Цель работы – выявление основных черт, характерных для англоязычной правовой лексики, а также предложение путей решения проблем, встречающихся при переводе правовых текстов. Авторами исследована типологизация источников юридической лексики на английском языке, дана классификация ее характеристик. Результаты исследования показали, что разница между русскоязычными и англоязычными правовыми лексемами обусловлена как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами; при этом на первый план выходят вопросы адекватности и эквивалентности перевода.

Ключевые слова и фразы: юридические тексты; правовые документы; специфика перевода; проблема переводимости; договор; юридический документ; переводчик-эксперт.

Лебедев Антон Валерьевич, к. культурологии

Абрашкина Кристина Сергеевна

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск
toshaleb@mail.ru; kristinaabraskina03159@gmail.com*

СПЕЦИФИКА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТОВ И ПРОБЛЕМА ИХ ПЕРЕВОДИМОСТИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Введение

В настоящее время невозможно переоценить важность вопросов теории и практики перевода, в частности специализированной юридической документации, законодательных актов и литературы. **Актуальность** исследования связана со стремительным ростом международных контактов на индивидуальном и общественном уровнях как в профессиональной среде (деловое общение, переговоры, судебные иски и дела, вовлекающие иностранных физических или юридических лиц), так и в бытовой сфере (туризм, эмиграция и так далее). Соответственно, проблематика юридического перевода постоянно требует все более глубокого изучения и систематизации по причине его сложности, заключающейся в несоответствии англо-саксонской и постсоветской систем права, а следовательно, и в образовании лакун и неологизмов при переводе. **Новизна** исследования состоит в типологизации источников юридической лексики на английском языке, классификации характеристик иноязычной юридической лексики, основанной как на лингвистических, так и экстралингвистических критериях.

Целью работы является определение и классификация специфических черт англоязычных юридических лексических единиц, а также предложение путей решения проблем, встречающихся при переводе правовых текстов. Для достижения данной цели авторами поставлены следующие **задачи**: 1) определить основные черты юридических документов на английском и русском языках; 2) проследить специфику лексического, грамматического и семантического строя иноязычной правовой лексики; 3) выявить основные источники юридических текстов на английском языке – как лингвистического, так и экстралингвистического характера; 4) предложить переводческие стратегии для осуществления адекватного перевода правовых текстов. При этом в процессе исследовательской работы применялись **методы** словарного, синтаксического, сравнительного и сопоставительно-переводческого анализа. В статье рассмотрены отдельные лексические единицы и юридические тексты, взятые из аутентичных британских и американских правовых источников, – юридические договоры, постановления судов, справочники и сообщения в средствах массовой информации, связанные с правовой тематикой [12; 13], а также анализируются примеры из авторской переводческой и преподавательской практик.

1. Проблема переводимости

Так называемые «специализированные» переводы могут вызвать немало вопросов у неподготовленного переводчика. При этом наибольшую трудность представляет именно юридический аспект перевода слов и словосочетаний, которые в иных контекстах (например, в бытовом употреблении) часто имеют совершенно иное значение. В юридическо-правовой реальности знания «обыденной» семантики оказываются недостаточными. К примеру, переводчику-эксперту в сфере правоохранительных органов не составит труда передать на русский язык такие сочетания, как: stop and search (не «остановись и ищи», а «задержание и обыск»), manslaughter (не «человекоубийство», а «непредумышленное убийство»), killing (далеко не всегда «убийство», но «причинение смерти», «гибель в результате происшествий»), therapy (не «терапия», а «перевоспитание»), peace officer (не «офицер мира», а «полицейский», «сотрудник полиции»), profiling (не «профилирование», а «психологическое тестирование заключенных»), health screening (не «здоровое исследование», а «медицинское обследование»), guardians of the peace (не «хранители мира», а «блестители порядка»), police powers (не «полицейские силы», а «полномочия полиции»), correctional institutions (не «коррекционные институты», а «исправительные учреждения»), walking the beat (не «ходить и бить», а «патрулировать» в британском английском), challenge a juror (не «бросить вызов присяжному», а «дать отвод присяжному») и многие другие [Ibidem].

Но неопытный переводчик, скорее всего, будет исходить из значения отдельных слов, а значит, такой перевод может не достичь своей цели и не выполнить прагматическую функцию.

Тем не менее найти однозначный эквивалент устойчивому сочетанию или термину в правовой сфере не всегда представляется возможным. По мысли В. В. Алимova, «проблемы у переводчика текста юридической

направленности возникают из-за того, что в языке перевода отсутствуют словесные конструкции, которые достаточно точно могли бы описать термины исходного языка» [1, с. 27]. Буквальный перевод может привести к искажению изначального смысла, заложенного в языке оригинала; и даже вполне адекватный эквивалент подчас требует пространного комментария, раскрывающего разницу между правовыми системами или властными институтами стран обоих языков. Исходя из этого, согласно точной формулировке американского переводчика и теоретика переводоведения Ю. Найды, перевод становится не передачей смысла отдельных языковых единиц, а «транскультурацией» [9, с. 42], то есть трансляцией, динамико-эквивалентной «передачей» от одной культуры к другой.

Соответственно, переводчику требуется не только хорошее знание языков, но и необходимо ориентироваться в различных, и подчас очень несхожих между собой, правовых реалиях. К примеру, некоторые явления англо-саксонской и американской систем права отсутствуют в российской судебной-правовой сфере. Так, *limited divorce* – вовсе не «ограниченный развод», а «раздельное проживание супругов согласно вердикту суда»; *indeterminate sentence* – «приговор с неопределенным сроком»; американский “Department of the Interior” вовсе не соответствует российскому силовому ведомству «Министерство внутренних дел», но занимается землей в федеральной собственности и контролем над природными ресурсами; *Crime Index* – это не «уровень/индекс преступности», но перечень наиболее тяжких преступлений (“felonies”) – *murder* (предумышленное убийство), *sexual assault* (сексуальное насилие), *robbery* (ограбление), *aggravated assault* (нападение с отягчающими обстоятельствами), *burglary* (кража со взломом, также “breaking and entering”), *larceny* (простая кража), *car theft* (угон автотранспортного средства), *arson* (поджог); *coroner* (так называемый «коронер» – особое должностное лицо, устанавливающее причину смерти, производящий вскрытие и ведущий расследование; при этом в российской правовой системе его задачи выполняют сразу несколько ведомств и действий – следственный комитет, суд, судебно-медицинская экспертиза, предварительное следствие). Эти и многие другие случаи показывают, что неточность перевода из-за несоответствия различных правовых систем можно компенсировать культурологическим, историческим или правовым комментарием.

По сути, от переводчика ожидается двойная квалификация – знания в области собственно английского и русского языков в соответствующей сфере для адекватной передачи смысла текста, а также компетенции в юридических вопросах. Согласимся с утверждением И. Г. Федотовой: «... тексты исходного и целевого языков рассматриваются в абсолютно разных правовых системах, следовательно, в них должны использоваться разные формулировки, характерные для каждого из языков. Однако при этом эти формулировки должны быть понятны обеим сторонам и нести в себе одинаковый смысл. Следовательно, переводчику следует ориентироваться не только в юридическом праве своего государства, но и страны-носительницы исходного языка» [10, с. 46].

2. Специфика юридической лексики на английском языке

Так называемый «юридический английский» был выработан на стыке трех пласт культур – *антично-латинского* (корни современных правовых систем в римском праве, господство Римско-католической церкви на определенном историческом этапе), *архаично-английского* (лексические единицы, взятые из «высокого стиля» и старинных языковых форм), *современного* (клишированность и связь с другими сферами знания). Рассмотрим некоторые отличительные признаки в каждой из вышеперечисленных сфер.

Будучи языком Церкви, риторики, образования, науки и литературы на протяжении многих веков, *латинский язык* сыграл огромную роль и в становлении английской юридической языковой среды. В англо-саксонскую систему права прочно вошли такие «латинизмы», как: *Actus reus* («противоправное деяние»), *Res judicata* («прецедент»), *ad absurdum* («от абсурдного»), *ad hoc* («для определенного случая»), *ad verbum / verbatim* («буквально»), *a priori* («изначально»), *a posteriori* («задним числом»), *Argumentum ad hominem* («переход на личности»), *Commune bonum* («всеобщее благо»), *Consensus omnium* («по всеобщему согласию»), *Dominium* («владение»), *In adversum* («против воли»), *Modus operandi* («образ действия»), *Modus vivendi* («способ существования»), *Ne varietur* («не подлежит изменению»), *Pacta sunt servanda* («договоры должны соблюдаться»), *Per capita* («на душу населения»), *Prima facie* («на первый взгляд»), *Reductio ad absurdum* («доведение до абсурда»), *Res integra* («беспрецедентный случай»), *Salus populi suprema lex* («общественное благо – высший закон»), *Sic* («таким образом»), *Sine die* («без даты, без указания срока»), *Sub conditione* («при условии»), *Tabula rasa* («с чистого листа»), *Tacito consensus* («с молчаливого согласия»), *Ultima ratio* («последний аргумент»), *Urbi et orbi* («городу и миру, к всеобщему сведению») и многие другие [12; 13]. По мысли Т. Г. Голощаповой, Т. Н. Дьяконовой, «в силу экстралингвистических, а равно и лингвистических факторов термины-латинизмы, относящиеся к книжному стилю языка и ограниченные в своём употреблении, составляют группу международного фонда терминов, в том числе и юридического плана» [5, с. 55]. Действительно, латинские выражения являются столь общим местом в правовой сфере, что используются не только в собственно правовых документах, но и в судебном красноречии, в выступлениях представителей сторон, законодателей, политиков, в публицистике и так далее.

Соответственно, переводчик сталкивается с вопросом, как ему поступить с подобными лексическими единицами, каким образом «вкрапить» их в текст перевода. Возможны три стратегии: транслитерация, перевод и перенос. При этом транслитерация слов (реже – словосочетаний), как правило, используется в случае наличия лексической единицы в русском языке и ее фиксации в словарях (де-юре, де-факто, статус-кво, персона нон-грата, алиби и другие). Перевод используется менее часто, при этом в большинстве случаев – как пояснение и последующий комментарий. Наиболее частым является метод переноса латинской фразы в русскоязычный текст с дальнейшим объяснением (или даже без него).

Староанглийские архаизмы – второй важнейший источник юридической лексики в английском языке. Здесь сыграли роль такие исторические, политические, правовые и религиозные документы, как Habeas Corpus Act – 1679; Билль о правах (Bill of Rights – 1689); Библия Короля Иакова (King James Version Bible – 1611), которые остаются значимыми памятниками культуры (а в некоторых случаях и действующими до сих пор законодательными актами). Существование глубоких правовых традиций в Великобритании позволило юридическому языку сохранить консервативность, формализм, возвышенность и преэминентность. При этом общая лексика (general English) уступает место особой терминологии. В частности, слова read («читайте»), ask («просите»), at once («сразу, немедленно») заменяются, соответственно, на “peruse”, “inquire”, “forthwith”. Среди других примеров можно отметить: «повышаться» (не “go up”, но “increase”), «устанавливать» (не “set up”, но “establish”), «исследовать» (не “look at”, но “examine”), «откладывать» (не “put off”, но “delay”), «требовать» (не “need to”, но “require”), «рассматривать» (не “deal with”, но “consider”), «начинать» (не “start”, но “commence”), «разрешать» (не “let”, но “authorize”), «несмотря на» (не “despite”, но “notwithstanding”) и так далее.

Некоторые из глаголов намеренно употребляются в архаичной форме с суффиксом “-eth” – witnesseth, secureth (соответственно, «свидетельствовать» и «защищать»), что опять же восходит к оригинальным историческим документам, где они записаны именно в таком виде. Множество канцеляризмов сложены из таких архаичных форм, как hereto («данный, указанный здесь»), henceforth, hereinafter («в дальнейшем»), hereon («на этом основании»), то есть к глаголам добавляются предлоги; таким образом, создается новая лексическая единица.

Еще одним примером архаизации является употребление в формальных, деловых и правовых английских текстах глаголов will/shall не как форм будущего времени, но обязательство, долженствование (модальная семантика). Например, предложение “Whosoever commits an offence from the preceding paragraph shall be subject to the same penalty” переводится как «совершивший правонарушение, указанное в предыдущем параграфе, *получает* (настоящее время) то же самое наказание».

Однако староанглийские архаизмы, безусловно, имеют ограничения в употреблении, и в современном правовом поле (особенно американском) есть тенденция к снижению частоты их использования. Как отмечает О. А. Бурукина, «невзирая на очевидное преимущество применения архаичных выражений в текстах правовых документов, их функциональность является предметом споров. Некоторые термины и определения, которые вышли из повседневного употребления, являются препятствием к полному пониманию текста. Именно по этой причине для читателя, не разбирающегося в особенностях лексики юридического языка, текст покажется трудным для восприятия» [4, с. 182].

Современное состояние правовой англоязычной языковой сферы характеризуется высоким уровнем клишированности, контекстуальности и даже некоторым отходом от традиционных норм.

Контекстуальность английской юридической терминологии выражается в ситуативности значений некоторых фраз или отдельных слов. Например, словосочетание “courts and tribunals” в правовой сфере стоит переводить не как «суды и трибуналы», но «судебные учреждения», «судебные органы». Прилагательно-предложная фраза “subject to” вовсе не означает некую «субъектность», но выражает разнообразную семантику: «подвергаться», «служить», «иметь право», «быть зависимым», «быть обусловленным», «находиться под властью». Соответственно, в данном случае, по мысли Е. С. Максименко, «перевод фраз с оборотом “subject to” связан с некоторыми трудностями и не выводит их тех соответствий, которые приводятся в различных словарях. Этот оборот выступает в двух функциях: в качестве прилагательного в составе именного сказуемого или же в качестве сложного предлога (phrase preposition)» [8, с. 313]. Автор приводит следующий пример, когда оборот “subject to” приобретает неожиданные контекстуальные значения в юридических и экономических текстах: “subject to any damages which may be due” в конкретном договоре переводится как «при сохранении права на возмещение любых возможных убытков».

Другим примером контекстуальности является перевод лексической единицы “business”, обладающей весьма широким семантическим полем. В частности, переводчику юридических и деловых текстов следует различать следующие значения: 1) business (нулевой артикль, единственное число) как предпринимательство, торговая промышленная деятельность, занятость в деловой сфере; 2) a business / businesses (неопределенный или определенный артикль, единственное или множественное число) как предприятие, дело, учреждение, коммерческая фирма; 3) business – сделка, конкретное дело; 4) business – покупатели, клиентура, клиенты. Соответственно, для адекватного перевода необходимо ориентироваться в правовой и коммерческой сферах, а также иметь определенное лингвистическое чутье, которое приобретается с опытом работы в конкретной области.

Другой важной характеристикой англоязычных правовых текстов является их *клишированность*. При этом словосочетание или предложение фактически является цельной лексической единицей, из которой недопустимо удалять те или иные элементы – переводчик передает клише по принципу «как есть», с использованием однозначных эквивалентов. Например, «выносить судебные решения по спорам» – “to adjudicate (не ‘make decisions’) in disputes”; «по усмотрению суда» – “at the discretion (не ‘at the consideration’) of the court”; «процесс заключения договора» – “formation process”, а не “the process of making a contract” и так далее. Для английской коммерческой и деловой сферы также характерны фиксированные пары «субъект – объект», где главным семантическим различителем выступает не корень слова, а суффикс: drawer – drawee (трассант – трассат), endorser – endorsee (отправитель – получатель), employer – employee (работодатель – работник).

В некоторых случаях несовпадение между русскими и английскими правовыми клише наблюдается как на лексическом, так и на синтаксическом уровне. В частности, фразу “hereinafter referred as” следует переводить как «в дальнейшем именуемый»; “this agreement is made effective on...” – «дата подписания договора»;

“with effect from the date hereof” – «вступает в силу с текущей даты». А. А. Згонникова отмечает, что «как языковой стандарт клише выполняет ряд функций – использование этих выражений позволяет экономить мыслительную энергию, способствуют быстрому и точному составлению документа, облегчают общение, поэтому являются нейтрально-нормативными явлениями в деловой речи. Кроме этого, считается, что стандартные выражения способствуют скорости передачи информации» [6, с. 35].

Наконец, еще одной парадоксальной чертой современного англоязычного правового дискурса является его *деформализация* в некоторых контекстах. В частности, для американских юридических текстов и судебного красноречия иногда характерен переход на эмоционально окрашенные и даже разговорные обороты. Е. В. Харьков приводит следующие примеры: “Such terms are offered on ‘take it or leave’ basis” – «условия предлагаются как есть, без возможности изменения или торга»; “to confine the role of the court to that of a rubber stamp” – «свести роль суда к простой формальности»; “to avoid the clutches of the penalty clause” – «избежать наказания» [11]. Используются и общепринятые сокращения – EU (European Union – «Европейский Союз»), CM (Current Month – «текущий месяц»), CV (Curriculum Vitae – резюме, жизнеописание) и так далее. В некоторых случаях подобный подход позволяет сократить текст, сделать его более емким и ясным, особенно для неподготовленной или непрофессиональной аудитории – напомним, к примеру, что суд присяжных получил свое максимальное развитие именно в англоязычной правовой сфере.

Заключение

Вышеперечисленные примеры показывают сложность проблемы переводимости англоязычных юридических текстов, из чего можно сделать следующие **выводы**:

1) специфику юридической терминологии можно рассматривать как в историческом аспекте (латинизмы – английские архаизмы – современное состояние), так и в грамматико-семантическом (контекстуальность – клишированность – деформализация);

2) иноязычная правовая лексика характеризуется инокультурностью, отличным от русских аналогов лексическим и грамматическим составом, что объясняется как лингвистическими, так и экстралингвистическими причинами;

3) англоязычные правовые тексты формировались на протяжении всего существования англо-саксонской правовой системы, представляя особую сложность для перевода;

4) переводчики часто сталкиваются с трудностями перевода юридических терминов; перевод же, в свою очередь, предполагает разнообразные переводческие трансформации – к примеру, замену, опущение, добавление, конкретизацию, перестановки, адаптацию и многие другие;

5) основной задачей переводчика является *адекватность* при передаче текста с одного языка на другой. При этом к переводу предъявляются следующие требования: точность, сжатость и ясность.

Язык юриспруденции предоставляет огромное поле для дальнейших исследований из-за значительного объема самого дискурса – правоохранительные органы и институты исполнительной власти, контракты и сопроводительные документы в коммерческих сделках и поставках. Все эти сферы подвержены высокой степени языковой мобильности, неологизации и одновременно стандартизации и формальности. Результаты исследования могут быть использованы для создания лекционно-семинарского курса по теории и практике юридического перевода и будут интересны широкому кругу читателей.

Список источников

1. Алимов В. В. Юридический перевод. М.: КомКнига, 2005. 160 с.
2. Андрианов С. Н., Берсон А. С., Никифоров А. С. Англо-русский юридический словарь. М.: АБИ Пресс, 2009. 588 с.
3. Барабаш О. В., Мещерякова О. В. Юридический текст: проблема интерпретации и перевода // Известия высших учебных заведений. Гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 152-161.
4. Бурукина О. А. Перевод английских юридических документов. М.: Флинта; Наука, 2005. 367 с.
5. Голощапова Т. Г., Дьяконова Т. Н. Латинизмы в официальном юридическом дискурсе // Lingua mobilis. 2014. № 3 (49). С. 54-59.
6. Згонникова А. А. Клишированные фразы в деловом дискурсе // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2014. № 7. С. 32-41.
7. Лутцева М. В. Английская юридическая терминология и способы ее перевода на русский язык // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2007. № 2: в 2-х ч. Ч. 1. С. 110-113.
8. Максименко Е. С. Национально-культурная специфика номинации универсальных правовых концептов, создающих научную картину мира, в английской и американской юридической терминологии // Языки профессиональной коммуникации: материалы Международной научной конференции / отв. ред. Е. И. Голованова. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2003. С. 313-316.
9. Найда Ю. Наука перевода // Вопросы языкознания. 1978. № 4. С. 40-46.
10. Федотова И. Г. Юридические понятия и категории в английском языке. М.: Статут, 2016. 764 с.
11. Харьков Е. В. Особенности перевода текстов юридической направленности [Электронный ресурс] // Новые тенденции развития гуманитарных наук: сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2014. URL: <https://clck.ru/F7A9e/> (дата обращения: 21.12.2018).
12. Consultancy agreement [Электронный ресурс]. URL: <http://www.seqlegal.com/free-legal-documents/consultancy-agreement/> (дата обращения: 21.12.2018).

PECULIARITIES OF THE ENGLISH LEGAL DOCUMENTS
AND THE PROBLEM OF THEIR TRANSLATABILITY INTO RUSSIAN

Lebedev Anton Valer'evich, Ph. D. in Culturology
Abrashkina Kristina Sergeevna

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk
toshaleb@mail.ru; kristinaabrashkina03159@gmail.com

The article reveals the specificity of translating juridical texts from English into Russian. The study aims to identify the basic features typical of the English juridical vocabulary and to offer a methodology for solving the problems occurring when translating juridical texts. The authors study the typologization of the English juridical vocabulary sources and provide a classification of its characteristics. The findings indicate that the difference between the Russian and English juridical lexemes is conditioned by both linguistic and extra-linguistic factors; the problems of adequacy and equivalence of translation acquire crucial importance.

Key words and phrases: juridical texts; legal documents; peculiarities of translation; translatability problem; contract; legal document; translator-expert.

УДК 811.112.2

Дата поступления рукописи: 17.12.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.12>

*В статье рассматривается функционирование местоимений как элементов в образовании терминов в немецком языке. Возможность использования конструкций такого рода проиллюстрирована на примерах текстов по гуманитарным наукам – языкознанию, литературоведению, философии и психологии. Отмечаются сходства и различия в значении одинаковых местоименных словообразовательных элементов в зависимости от принадлежности термина к той или иной научной сфере. В словообразовании имён существительных используются в основном личные местоимения и указательное местоимение *selbst*. Материалом послужили научные и отдельные научно-популярные публикации соответствующей тематики на немецком языке.*

Ключевые слова и фразы: словообразование немецкого языка; словосложение; местоимения; терминология; гуманитарные науки; имя существительное.

Мельгунова Анна Владиславовна, к. филол. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
a.melgunova@spbu.ru

МЕСТОИМЕННИЯ КАК СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ
В ТЕРМИНОЛОГИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

*Исследование выполнено в результате стажировки
в Грайфсвальдском университете по программе межвузовского обмена,
реализуемой в рамках международных соглашений СПбГУ.*

Местоимения относятся к числу наиболее употребительных частей речи в языке, если говорить об их традиционном использовании. Однако представляет интерес также вопрос о возможности их функционирования в качестве составных частей различных лексических единиц.

Функционирование местоимений в словообразовании отмечается [9], но обычно не рассматривается подробно, так как данная часть речи играет не столь большую роль в этом процессе по сравнению, например, с именами существительными или прилагательными.

Предметом рассмотрения являются немецкие местоимения, которые наиболее часто встречаются в качестве словообразовательных элементов при создании терминов в гуманитарных науках. Будут проанализированы термины в форме имён существительных, в которых местоимения являются составной частью (то есть не учитывается субстантивация отдельного местоимения без добавления иных компонентов, как *das Selbst* «личность»).

Актуальность данной темы связана с постоянным развитием терминологии, возможностью появления новой специальной лексики, относящейся по структуре к редким типам словообразования.

Научная новизна заключается в исследовании особенностей использования немецких местоимений в терминологии вообще и в языке определённых научных областей в частности, с учётом особенностей значения, которые присущи данным элементам в разных сферах.

Цель статьи заключается в описании терминов-существительных, которые образованы с включением местоимений. **Задачи** заключаются в определении наиболее частотных местоименных компонентов в лексике публикаций, относящихся к различным областям гуманитарных знаний, в характеристике структуры рассматриваемых лексических единиц, а также в выявлении различий в значении изучаемых компонентов в зависимости от принадлежности термина к той или иной тематической области.